

- [Н.Гудзий](#)
- -
- [notes](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)

Н.Гудзий

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ

ТОЛСТОЙ

В старости Лев Толстой записал некоторые свои воспоминания. И вот самое раннее из них: «Я связан: мне хочется выпростать руки, и я не могу этого сделать, и я кричу и плачу, и мне самому неприятен мой крик; но я не могу остановиться. Надо мной стоят нагнувшись кто-то, я не помню кто... Крик мой действует на них: они тревожатся от моего крика, но не развязывают меня, чего я хочу, и я кричу еще громче. Им кажется, что это нужно (то есть, чтобы я был связан), тогда как я знаю, что это не нужно, и хочу доказать им это, и я заливаюсь криком, противным для самого себя, но неудержимым... Мне хочется свободы, она никому не мешает, и я, кому сила нужна, я слаб, а они сильны».

Протест против всяческого насилия — морального или физического, стремление сбросить с себя всякие путы, связывающие свободу человека, определили весь путь Толстого до последних лет его жизни, когда он, негодуя против массовых смертных казней в царской России после 1905 года, на весь мир закричал: «Не могу молчать!» Этот почти предсмертный крик Толстого, как и протестующие его выступления во второй половине жизни, вызван был сознанием не личной несвободы, не насилия над своей личностью, а сознанием несвободы и насилия, которые испытывало человечество, поработенное всем строем капиталистической системы.

*

Лев Николаевич Толстой родился 28 августа 1828 года^[2] в имении Ясная Поляна Крапивенского уезда Тульской губернии. В семидесятипятилетнем возрасте Толстой с большой художественной силой и внутренней теплотой написал свои «Воспоминания детства». Разделяя свою жизнь на четыре периода, он выделяет «чудный» в особенности в сравнении с последующим, «невинный, радостный, поэтический период детства до четырнадцати лет».

Потребность все и всех любить побуждала Толстого-ребенка во всех

окружавших его видеть только одно хорошее и не замечать, что в них было дурного. Говоря о своей матери, он пишет: «Впрочем, не только моя мать, но и все окружавшие мое детство лица, от отца до кучеров, представляются мне исключительно хорошими людьми. Вероятно, мое чистое любовное чувство, как яркий луч, открывало мне в людях (они всегда есть) лучшие их свойства, и то, что все люди эти казались мне исключительно хорошими, было гораздо больше правда, чем то, когда я видел одни их недостатки».

Детские впечатления так ярко отложились в памяти Толстого, что в глубокой старости он припоминает не только людей, окружавших его в то далекое время, но и малейшие события, происшедшие в ту пору, и самые мелкие детали, вплоть до того, как с левой стороны касается его волос рука отца «с красной характерной полосой на внешней выступающей части ладони». Только в гениальной памяти могло отчетливо запечатлеться такое количество фактов, какое мы находим в воспоминаниях Толстого, и только гениальный художник мог с такой поэтической, заражающей прелестью передать их читателю.

Среди тех, кто имел особенное значение для Толстого в его детстве, на первом месте в этих воспоминаниях стоит его мать Марья Николаевна, урожденная княжна Волконская. Она умерла, когда Толстому было около двух лет. Портретов ее в семье Толстых не сохранилось, и в представлении сына жив был лишь ее душевный облик, в течение всей жизни пробуждавший в нем высокие, чистые сердечные движения. Некоторые черты ее жизни и характера воплотились в образе княжны Марии Николаевны Болконской в «Войне и мире», как отразились в старом князе Николае Сергеевиче Болконском черты характера и поведения деда Толстого по матери, князя Николая Сергеевича Волконского. Высокий моральный облик матери Толстого, внутреннее богатство ее натуры угадываются и в образе татан, изображенной в «Детстве».

Мать Толстого была женщиной очень хорошо образованной. Кроме своего родного русского языка, которым она владела прекрасно и на котором умела писать образно, просто и точно, она знала языки французский, немецкий, английский и итальянский. Отец ее, дед Толстого, постарался приохотить дочь и к астрономии, и к космографии, и к истории, и к практическим наукам. Она чутко воспринимала искусство; хорошо играла на фортепьяно и с большим мастерством рассказывала сказки, которые придумывала сама.

Выдающимся ее качеством, по словам Толстого, была ее сдержанность. Никому из прислуги не сказала она никогда грубого слова. Другим ее положительным качеством было равнодушие к толкам людей и

скромность, которая проявлялась и в том, что она не тщеславилась своим образованием и умом и даже старалась скрывать превосходство свое в этом над другими людьми, чтобы не обидеть их. Жила она, как пишет Толстой, стремясь постоянно удовлетворять свою потребность любви. Сначала любила своего умершего жениха, потом своего мужа — больше всего потому, что он был отцом ее детей, потом француженку-компаньонку, затем сыновей — сначала первенца Николая, потом самого младшего — Льва.

Замуж она вышла тридцати двух лет за графа Николая Ильича Толстого, который был моложе ее на четыре года. Брак устроили родные жениха, получившего в наследство от отца расстроенное состояние и женитьбой на богатой невесте решившего поправить свои дела. Это был красивый, веселый, обходительный, по тому времени относительно гуманный человек, не злоупотреблявший своей властью помещика, владельца крепостных душ. Поступив в юности на военную службу и проделав заграничные походы в 1813–1815 годах, он вышел затем в отставку и после женитьбы занялся сельским хозяйством. Оставив военную службу, он потом уже никогда не служил, по чувству собственного достоинства не считая для себя возможным служить ни при конце царствования Александра I, ни в царствование Николая I. Ни с одним чиновником, как вспоминает Толстой, его семья не имела близких отношений.

Умер Николай Ильич, когда Льву Николаевичу было девять лет. Значительного влияния на сына он не оказал, но оставил у него по себе добрую и благодарную память. В основном он послужил прототипом для Николая Ильича Ростова в «Войне и мире».

Наибольшее нравственное влияние на Толстого, по его признанию, оказала Татьяна Александровна Ергольская, дальняя родственница Толстых, с детского возраста оставшаяся сиротой и взятая бабушкой Льва Николаевича на воспитание. Она была одних лет с Николаем Ильичом и за свой твердый, решительный и самоотверженный характер пользовалась в семье большой любовью. В молодости она была, видимо, очень привлекательна. Вероятно, она любила Николая Ильича, и он любил ее, но она сознательно не пошла за него, чтобы он мог жениться на богатой девушке. Когда же Марья Николаевна умерла и Николай Ильич предложил ей выйти за него замуж, она отказалась это сделать, чтобы не нарушать уже сложившихся чистых отношений с ним и его семьей.

Вот какой была эта женщина, которую Толстой называл своим лучшим другом.

Не только в пору детства, но и в юности и в зрелом возрасте

(Ергольская умерла, когда Толстой был уже женат) он делился с ней всем, что его занимало, волновало и тревожило. К ней он обращался за советом, когда нужно было найти нравственную поддержку и руководство. Она действовала на него при этом не упреками и наставлениями, а тем даром внутреннего проникновения и понимания, которые лучше всего помогали ему духовно расти и крепнуть. Все это продолжало сказываться и в последующие годы — вплоть до конца жизни писателя.

Старше Льва Николаевича были братья Николай, Сергей и Дмитрий, моложе — сестра Марья, родами которой и умерла их мать. Все три брата и сестра были люди по-своему незаурядные, но из них наиболее ярким человеком был, по-видимому, Николай, умерший совсем еще молодым. О нем Толстой говорил, что он был «удивительный мальчик и потом удивительный человек». Он обладал тонким художественным чутьем, ярким, неистощимым воображением, добродушным юмором. Как и его мать, он мог рассказывать часами увлекательнейшие сказки или истории, которые выдумывал сам, искусно рисовал. Ко всему тому он был очень привлекателен и своими нравственными качествами. С его именем связано одно из самых волнующих и самых значительных воспоминаний раннего детства Толстого.

Однажды Николай объявил мальчикам, что он знает тайну «муравейных братьев». Очевидно, под «муравейными братьями» крылись «Моравские братья» — религиозная секта, возникшая в XV веке в Чехии и стремившаяся к водворению на земле «справедливой жизни», как ее представляли себе первые христиане. О ней Николай мог узнать либо по книге, либо из рассказов. Своим братьям он сказал, что, когда эта тайна откроется, все люди станут счастливыми, не будет ни у кого ни болезней, ни неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться, и все будут друг друга любить, все сделаются «муравейными братьями». Самая тайна, которая должна была осчастливить людей, как уверял Николай, была им написана на зеленой палочке, зарытой у дороги на краю оврага Старого Заказа. Дети не раз играли в «муравейных братьев», и зеленая палочка стала потом на всю жизнь для Толстого символом нравственного самосовершенствования и всеобщего человеческого счастья. Записывая свои воспоминания детства, он просил в память брата Николеньки похоронить его в том месте Старого Заказа, где, по детскому преданию, была зарыта зеленая палочка. В 1908 году Толстой эту просьбу продиктовал своему секретарю Н. Н. Гусеву, а за два года до этого написал статью на тему о человеческом счастье, озаглавив ее «Зеленая палочка». «И как я тогда верил, — писал он на склоне лет, — что есть та зеленая палочка, на

которой написано то, что должно уничтожить все зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает».

Таковы были то ближайшее человеческое окружение и та нравственная атмосфера, в которой протекало детство Толстого. Бабушка, слуги, гувернер Федор Иванович Рессель, родственники и близкие знакомые, наезжавшие в Ясную Поляну, в воспоминаниях Толстого дополняли собой картину патриархальной помещичьей идиллии, так любовно нарисованной им в рассказе о детских годах. Эта идиллия в сознании ребенка не нарушалась еще существованием крепостного права. А между тем именно оно и обуславливало собой привольную жизнь барской семьи в сорока двух комнатах, с большим штатом прислуги и дворни; именно оно создавало условия для беззаботной жизни господ, для тех радостных впечатлений от псовой охоты, от приезда ряженных на святках, от веселых поездок в окрестности и от многого другого, что так запомнил Толстой. Обратная сторона благополучной барской жизни была скрыта от глаз ребенка, а то, что окружало его в повседневной жизни, что близко его касалось, представлялось ему почти непреходящим праздником, лишь изредка нарушаемым скоропреходящими огорчениями.

*

Осенью 1836 года семья Толстых переехала в Москву: нужно было готовить старшего сына Николеньку в университет. Летом следующего, 1837 года внезапно умер отец — Николай Ильич, а меньше чем через год после этого скончалась бабушка — Пелагея Николаевна. Смерть отца произвела на мальчика Толстого потрясающее впечатление. Он впервые, по собственному признанию, глубоко задумался над вопросами жизни и смерти.

Осложнилось и материальное положение семьи: пришлось прежде всего переменить обширную квартиру в Москве на меньшую, более дешевую, чтобы уменьшить расходы: часть семьи, и в том числе Лев Николаевич, не только на лето, но иногда и на всю зиму переселялась в Ясную Поляну, а одну зиму прожила в Ясной Поляне и вся семья.

Отроческие годы Толстого омрачены были очень напряженными отношениями, создавшимися у него с новым гувернером Saint Thomas (Сен-Томас). Своим формально-педантическим, нечутким, часто жестоким обращением с мальчиком он вызывал в нем чувство протеста,

переходившего в раздражение, а иногда и в упорную ненависть.

«Не помню, за что, это был какой-то пустяк, не заслуживавший наказания, — вспоминает Толстой, — Saint Thomas запер меня сначала в отдельной комнате, а затем грозил высечь меня, и я испытал глубокое чувство негодования, возмущения не только к Saint Thomas, но и к насилию, которое хотели учинить надо мной. Вероятно, отвращение и страх перед всяким насилием, который я испытывал всю жизнь, зародились во мне именно в эту минуту».

Видимо, поводов для столкновений со строгим гувернером у Толстого в детстве было немало, если принять в расчет, что он был ребенком не только очень подвижным и шаловливым, но и склонным к неожиданным чудачествам и странным выходкам. Так, однажды, только для того, чтобы сделать что-нибудь необыкновенное и удивить окружающих, он выпрыгнул в окно из второго этажа и только благодаря счастливой случайности легко отделался...

Вместе с тем мальчик жил очень напряженной внутренней жизнью. Честолюбивые мечты, в особенности о военной славе, жажда необыкновенных подвигов уживались в нем с очень энергичной работой нравственного сознания, со стремлением разрешить отвлеченные вопросы о назначении человека и о смысле человеческой жизни. То, что сказано об этом в отношении Николеньки в повести Толстого «Отрочество», целиком относится к отроческим годам самого Толстого.

В эту пору перед ним впервые встали вопросы, выходившие за пределы его личного быта. И поводом для них послужили факты, связанные как раз с крепостным правом. Однажды дети, в том числе Левушка, встретили уже немолодого помощника кучера, которого управляющий за какую-то провинность вел на расправу. Узнав, в чем дело, Лев Николаевич испытал, по его словам, «ужасное чувство», еще более обострившееся, когда от тетушки он услышал, что дети могли остановить управляющего и предотвратить наказание. В другой раз из разговора друга его отца, помещика Тимяшева, он узнал, что тот отдал своего слугу в солдаты за то, что слуга ел постом скромное. И это поразило мальчика Толстого, показалось ему чем-то странным и непонятным.

Около одиннадцати лет Толстой испытал первую влюбленность. В письме к своему другу и биографу П. И. Бирюкову он писал в 1903 году: «Первая, самая сильная (любовь. — Н. Г.) была детская к Сонечке Колошиной». Это была любовь восторженная, мечтательная, переполнявшая мальчика счастьем, любовь без мысли о взаимности. Об этом вспоминал Толстой еще в 1890 году, думая написать роман о

целомудренной любви. В ночном разговоре Николеньки Иртенева с братом Володей о Сонечке Валахиной в «Детстве» этот детский роман Толстого нашел яркое и трогательное художественное отражение.

В 1841 году умерла опекуна детей Толстых — тетка Александра Ильинишна Остен-Сакен, и опека над ними перешла к другой тетке — Пелагее Ильинишне Юшковой, жившей в Казани. Туда и переселилась осенью того же года вся семья Толстых (каждое лето, однако, проводя по-прежнему в Ясной Поляне). В Казани Толстой прожил пять с половиной лет. В 1844 году он поступил в Казанский университет на турецко-арабское отделение восточного факультета с намерением стать дипломатом.

Б ту пору Толстой как бы ощупью отыскивал свое жизненное призвание. Вскоре он понял, что этим жизненным призванием не могла быть дипломатия. Учился он без особого рвения, тем более что в Казани родовитый юноша Толстой попал в круговорот светских развлечений, среди которых протекала жизнь местного «высшего общества».

Вскоре Толстой перешел на юридический факультет. Но перспектива карьеры по судебному ведомству также не могла прельстить его. Да и большинство тогдашних профессоров юридического факультета были как ученые и преподаватели далеко не на высоте. С другой стороны, не все, что преподавалось на факультете, интересовало Толстого.

Он, по его собственному признанию, читал бесконечное количество книг, но чтение это всегда у него шло по какому-нибудь одному, строго определенному направлению, продиктованному его личным внутренним интересом. «Когда меня интересовывал какой-нибудь вопрос, — говорит он, — то я не уклонялся от него ни вправо, ни влево и старался познакомиться со всем, что могло бросить свет именно на этот один вопрос. Так было со мной и в Казани».

Особенно усиленно в студенческие годы занимался Толстой философией. К ней его влекла не простая любознательность, а стремление найти разрешение тех жизненных вопросов, которые не переставали его занимать и волновать. Он не просто читал, например, Руссо, которого, по его словам, «боготворил» настолько, что вместо нательного креста носил на шее медальон с его портретом, но и сам написал несколько философских сочинений, преимущественно на тему о моральных основах человеческого поведения.

Вероятно, результатом увлечения философией явилась у Толстого первая его, несколько наивная попытка опроститься, сбросить с себя иго «светскости». Приехав однажды на лето из Казани в Ясную Поляну, он демонстративно стал там одеваться в какой-то парусиновый балахон, ходил

в туфлях на босу ногу и вообще не обнаруживал никакой заботы о своей внешности.

В последние месяцы жизни в Казани Лев Николаевич начал вести дневник. Поводом для этого было стремление к самосовершенствованию во всех областях — в умственной, нравственной и физической. Однако началом всего, как говорил Толстой, было самосовершенствование нравственное. Дневник должен был быть, с одной стороны, средством систематического контроля над собой, с другой — заключать в себе «правила», которым намеревался следовать Толстой. В дальнейшем дневник на всю жизнь стал почти постоянным его спутником. Ему онверял самое сокровенное, в него заносил замыслы своих произведений, в нем отмечал факты и события жизни своей и близких ему людей.

Переходных экзаменов со второго курса на третий Толстой не держал, решив оставить университет, с надеждой, впрочем, впоследствии сдать экзамены за весь университетский курс. Вспоминая в старости этот свой шаг, он говорил: «Я стал читать Руссо и бросил университет именно потому, что захотел заниматься». Оставить университет побудило Толстого еще одно обстоятельство: как раз в это время состоялся раздел отцовского имущества между всеми детьми. Льву Николаевичу, в частности, досталась Ясная Поляна. Чувствуя нравственное обязательство по отношению к своим крепостным, он счел необходимым поселиться в своем имении и приняться за устройство их судьбы. Он уехал в Ясную Поляну в апреле 1847 года.

Толстой решил заняться сельским хозяйством.

Однако вскоре яснополянское одиночество становится ему в тягость. Огромные неизрасходованные силы, душевные и физические, заставляют его метаться по жизни. Он переезжает в Москву, затем — в Петербург, где приступает к сдаче экзамена на степень кандидата прав. Но, как и прежде, он отчетливо чувствует, что это не его жизненная дорога. Он прерывает экзамены, делает еще попытку поступить на военную службу, потом возвращается в Ясную Поляну. Некоторое время он служит в Туле, в губернском правлении. Жизнь без серьезных целей и перспектив, наконец, угнетает его и создает у него ощущение глубокой неудовлетворенности. Внутренний голос самообличения и самоосуждения непрестанно звучит в его дневниках этой поры.

В апреле 1851 года Толстой вместе с братом Николаем уехал на Кавказ. Там он прожил три года и там впервые перестал испытывать мучительный разлад с самим собой. Добровольцем он принял участие в боевых делах Кавказской армии. Он стал юнкером и офицером.

На Кавказе наконец прорвалось наружу то, что долго созревало в его душе.

Он написал там повести «Детство» и «Отрочество» и несколько рассказов из военного быта. Там же начата была и повесть «Казаки».

«Детство» напечатано было в 1852 году в журнале Некрасова «Современник» и сразу же поставило Толстого в ряды крупнейших русских писателей. Появившиеся вслед за тем «Отрочество» и военные рассказы закрепили репутацию его как незаурядного мастера, выдающегося художника. Совсем особенное искусство в изображении человеческой души, умение подсмотреть и закрепить в слове тончайшие, часто противоречивые проявления внутренней жизни и ребенка и взрослого сказались уже в этих ранних произведениях Толстого.

Знаменитый русский критик и мыслитель Чернышевский, оценивая первые литературные шаги Толстого, необыкновенно метко определил существеннейшие черты его писательского дарования. В творчестве Толстого он отметил две черты: во-первых, «глубокое знание тайных движений психической жизни», способность очень тонко улавливать «психический процесс, его формы, его законы», удивительное умение изображать «диалектику души» и, во-вторых, «непосредственную чистоту нравственного чувства». С поразительной прозорливостью Чернышевский предсказал, что эти две черты останутся основными особенностями таланта Толстого, какие бы новые стороны ни обнаружились в его последующих произведениях.

И действительно, обе эти черты характеризуют творчество Толстого на всем протяжении его творческого пути.

Но это замечательное начало литературной деятельности было подготовлено большой внутренней работой юноши Толстого.

По дневникам, по письмам, по морально-философским опытам, по неоконченному, очень своеобразному и все же не удовлетворившему Толстого рассказу «История вчерашнего дня», по четырем редакциям «Детства» мы можем судить теперь, что это была за работа...

Уже при первом своем литературном выступлении Толстой обнаружил самобытность и оригинальность. И они дались ему неспроста. Они были отражением его напряженной душевной жизни, его непрестанных усиленных попыток самому разобраться в окружающей действительности.

С первых же шагов своей сознательной жизни он стремился на все смотреть своими собственными глазами и все проверять своим собственным критическим судом. Эта независимость взглядов и суждений влекла за собой и свободу от подчинения популярным литературным образцам, особенно если они не шли навстречу самостоятельным философским и литературным исканиям Толстого.

С его именем неразрывно связано представление о несравненном мастерстве в изображении природы. Многие страницы «Войны и мира» и «Анны Карениной» нагляднее всего убеждают нас в этом. Но эта черта явственно выступает и в ранних произведениях, написанных на Кавказе. Уже здесь картины природы теснейшим образом связаны с внутренним миром человека, с душевными переживаниями и интимными чувствами героев.

Непосредственное участие Толстого в военных действиях дало ему материал для первых рассказов о войне и военном быте. Кавказские впечатления Толстого отразились в рассказах «Набег» и «Рубка леса». В них война была показана с такой стороны, с какой до тех пор она никем не изображалась в литературе. Толстого занимает не столько внешняя батальная сторона войны, сколько то, как ведут себя люди в военной обстановке, какие свойства своей натуры они при этом обнаруживают. И тут, как позже в «Войне и мире», настоящими героями являются люди простые, часто с виду неказистые, совершенно чуждые каких бы то ни было черт внешнего молодечества. Таков капитан Хлопов в «Набеге» в отличие от романтически-эффектного, всегда как бы стоящего в позе, поручика Розенкранца, таковы капитан Тросенко и солдат Веленчук в «Рубке леса».

Определяя в последнем рассказе характер храбрости русского солдата, Толстой говорит: «Дух русского солдата не основан так, как храбрость южных народов, на скоро воспламеняемом и остываемом энтузиазме: его так же трудно разжечь, как и заставить пасть духом. Для него не нужны эффекты, речи, воинственные крики, песни и барабаны: для него нужны, напротив, спокойствие, порядок и отсутствие всего натянутого. В русском, настоящем русском солдате никогда не заметите хвастовства, ухарства, желания отуманиться, разгорячиться во время опасности: скромность, простота и способность видеть в опасности совсем другое, чем опасность, составляют отличительные черты его характера».

Отношение самого Толстого к войне в ту пору было сложное. Человек мужественный по природе, еще с детства стремившийся испытывать себя в трудных и рискованных жизненных положениях, Толстой, естественно,

чувствовал потребность проверить себя и силу своей душевной стойкости в опасностях войны. Но войны завоевательные не увлекали его; он осуждал их, как осуждал и те жестокости, с которыми они были связаны. В обширных черновых вариантах «Набега» он несколько раз сочувственно изображает страдания покоренных обитателей горных аулов. Война России с кавказскими народами не вызвала у Толстого того подъема патриотического настроения, какое испытал он вскоре в связи с Крымской войной и какое обнаружил, обратившись к эпохе Отечественной войны 1812 года.

По возвращении с Кавказа Толстой был направлен в Дунайскую армию, а в ноябре 1854 года переведен в Крым и здесь принял участие в славной обороне Севастополя. Мы знаем, что он сам стремился перевестись в Севастополь; как он объяснил в письме к брату, «больше всего из патриотизма», который и в то время «сильно нашел» на него. Еще до приезда в Севастополь Толстой записал в дневник: «Велика моральная сила русского народа. Много политических истин выйдет наружу и разовьется в нынешние трудные для России минуты. Чувство пылкой любви к отечеству, восставшее и вылившееся из несчастий России, оставит надолго следы в ней. Те люди, которые теперь жертвуют жизнью, будут гражданами России и не забудут своей жертвы. Они с большим достоинством и гордостью будут принимать участие в делах общественных, а энтузиазм, возбужденный войной, оставит навсегда в них характер самопожертвования и благородства».

Вскоре по прибытии в Севастополь Толстой с восторгом пишет брату: «Дух в войсках свыше всякого описания. Во времена Древней Греции не было столько героизма. Корнилов, объезжая войска, вместо: «Здорово, ребята!» говорил: «Нужно умирать, ребята, умрете?» — и войска кричали: «Умрем, ваше превосходительство, ура!» И это был не эффект, а на лице каждого видно было что не шутя, а *взаправду*, и уж 22 000 исполнили это обещание. Рота моряков чуть не взбунтовалась за то, что их хотели сменить с батареи, на которой они простояли 30 дней под бомбами. Солдаты вырывают трубки из бомб. Женщины носят воду на бастионы для солдат. Многие (то есть женщины. — Н. Г.) убиты и ранены. Священники с крестами ходят на бастионы и под огнем читают молитвы. В одной бригаде — 24-й было 100 человек, которые, раненые, не вышли из фронта. Чудное время!»

Толстой благодарит бога за то, что видел этих людей и живет «в это славное время». 4 сентября 1855 года он пишет Т. А. Ергольской: «Я плакал, когда увидел город, объятый пламенем, и французские знамена на

наших бастионах». Сам Толстой во время Севастопольской осады обнаружил незаурядную храбрость. Больше месяца он служил в самом опасном месте — на знаменитом четвертом бастионе. Его впечатления от Севастопольской осады нашли отражение в трех замечательных «Севастопольских рассказах», из которых первые два в Крыму были и написаны, третий же закончен в Петербурге.

В «Севастопольских рассказах» Толстой, в сущности, первый в мировой литературе правдиво показал войну — «не в правильном, красивом, блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а в настоящем ее выражении — в крови, в страданиях, в смерти». Заканчивая свой второй севастопольский рассказ, Толстой писал: «Где выражение зла, которого должно избегать? Где выражение добра, которому должно подражать в этой повести? Кто злодей, кто герой ее? Все хороши и все дурны... Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда».

И главная правда, которую увидел Толстой в осажденном Севастополе, — это душевное величие скромного русского солдата, спокойно, уверенно и без похвальбы защищающего свою родину.

В рассказе «Севастополь в декабре месяце», говоря о «стыдливом чувстве любви к родине», лежащем в глубине души каждого русского человека, он писал: «Вы ясно поймете, вообразите себе тех людей, которых вы сейчас видели, теми героями, которые в ее тяжелые времена не упали, а возвышались духом и с наслаждением готовились к смерти не за город, а за родину. Надолго оставит в России великие слезы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский».

Но это была не вся правда, которую знал Толстой о людях, переживших Севастопольскую осаду. В следующих двух рассказах он показал, как в этой войне рядом с проявлением подлинного героизма обнаруживались мелкая человеческая зависть, тщеславие, холодный расчет, эгоизм и жалкая суетливость себялюбивых посредственностей, вечно занятых собой позеров. Но это не заслоняет от него главного: бессмертного величия Севастопольской обороны.

Описав в рассказе «Севастополь в августе 1855 года» ссору офицеров во время карточной игры, он говорит: «Но опустим скорее завесу над этой глубоко грустной сценой. Завтра, нынче же, может быть, каждый из этих людей весело и гордо пойдет навстречу смерти и умрет твердо и спокойно... На дне души каждого лежит та благородная искра, которая

сделает из него героя; но искра эта устает гореть ярко — придет роковая минута, она вспыхнет пламенем и осветит великие дела».

*

Приехав во второй половине ноября 1855 года, после падения Севастополя, в Петербург, Толстой впервые попал в литературную среду и лично познакомился с наиболее крупными русскими писателями — Тургеневым, Некрасовым, Гончаровым, Дружининым, Писемским, Фетом, Чернышевским. С их стороны он встретил, как писатель и человек, очень внимательное и часто даже восторженное отношение к себе.

Один из его новых друзей — П. В. Анненков — написал в конце ноября 1856 года Тургеневу: «Толстой неузнаваем, и путь, который он пробежал в течение лета и осени, просто огромен... Я с ним сошелся и, просто сказать, люблюсь им... Работа в нем идет страшная». В. П. Боткин в начале января 1857 года в письме к Тургеневу говорит, что Толстой «весь исполнен жажды знания и учения» и в нем происходит «великий нравственный процесс». Сам Толстой через два дня после этого записывает в дневнике: «Я решительно счастлив все это время. Упиваюсь быстротой морального движения вперед и вперед».

В течение года с небольшим, прошедшего со времени возвращения из Крыма, Толстой закончил рассказы «Севастополь в августе 1855 года» и «Юность», написал рассказы «Метель», «Разжалованный» («Встреча в отряде с московским знакомым»), повести «Два гусара» и «Утро помещика».

«Утро помещика» представляет собой сокращенный вариант начатого Толстым еще на Кавказе автобиографического произведения, носившего в рукописях заглавие «Роман русского помещика». Никто до Толстого в русской литературе с таким трезвым реализмом не изображал русского крепостного крестьянина, как это сделано в «Утре помещика». В сравнении с повестью Толстого по силе таланта могут идти лишь «Записки охотника» Тургенева, но по реализму и правдивости, с которой Толстой вскрыл пропасть, отделяющую барина от мужика, «Утро помещика» превосходит и «Записки охотника».

В «Двух гусарах» замечательно изображены представители двух поколений русской военной аристократии. И рядом с ними дан образ уездной русской девушки. С большой лирической теплотой показывает Толстой пробуждение в ее душе чувства первой влюбленности, которое

было глубоко оскорблено пошлым и циничным поведением графа Турбина-сына, намерения которого не шли дальше легкой интрижки с попавшейся ему на пути доверчивой и неопытной провинциалкой.

*

В конце ноября 1856 года Толстой вышел в отставку. Через два месяца после этого он совершил первое свое путешествие за границу.

Заграничное путешествие продолжалось полгода. Толстой посетил Францию, Швейцарию, Северную Италию, Германию. В Париже он часто бывал в театрах, музеях, слушал лекции в университете. Зрелище смертной казни через гильотинирование на одной из площадей произвело на Толстого настолько потрясающее впечатление, что он стремительно покинул город и отправился в Швейцарию. Здесь он немало разъезжал и ходил пешком. В Германии, в Дрездене, он дважды посетил картинную галерею, где восторгался «Сикстинской мадонной» Рафаэля, оставшись холодным ко всем другим картинам.

За границей Толстой продолжал работу над начатыми ранее художественными произведениями и написал новую повесть — «Люцерн», подсказанную личными, глубоко взволновавшими его впечатлениями. Толстой в этой повести негодуяще ополчается против современной ему европейской буржуазной цивилизации, не знающей ни жалости, ни участия к человеку, равнодушной к искусству, покровительствующей лишь сытым, душевно черствым богачам. Свой гневный протест он выражает в такой записи, резюмирующей содержание его повести и напечатанной курсивом: «Седьмого июля 1857 года в Люцерне, перед отелем Швейцергофом, в котором останавливаются самые богатые люди, странствующий нищий певец в продолжение получаса пел песни и играл на гитаре. Около ста человек слушало его. Певец три раза просил дать ему что-нибудь. Ни один человек не дал ему ничего, и многие смеялись над ним». И затем этот факт вызывает такие раздумья у Толстого: «Вот событие, которое историки нашего времени должны записать огненными, неизгладимыми буквами. Это событие значительнее, серьезнее и имеет глубочайший смысл, чем факты, записываемые в газетах и историях».

Вернувшись в конце июля 1857 года в Россию, Толстой жил то в Ясной Поляне, то в Москве. Литературная работа его шла не так энергично, как раньше. За два с лишним года он создал лишь замечательный рассказ «Три смерти» и небольшой по объему роман «Семейное счастье», которым,

однако, остался очень недоволен. Помимо этого, Толстой закончил начатый еще за границей рассказ «Альберт» из жизни музыканта и продолжал работу над «Казаками».

В конце 1859 года он с большим увлечением отдался школьным занятиям с яснополянскими детьми.

Толстой очень остро ощущал оторванность привилегированного меньшинства от тех условий жизни, в каких живет большинство трудового человечества. В его представлении основная масса трудового народа была связана с землей, следовательно, жила жизнью, близкой к жизни природы. Эту жизнь он резко противопоставлял ложной жизни сытых и богатых.

В рассказе «Три смерти» показано, как умирают барыня, мужик и дерево. В смерти барыни, вся жизнь которой далека была от жизни по законам природы, есть что-то отталкивающее и жалкое, мужик, который как раз жил и трудился по законам природы, умирает спокойно и деловито, но прекраснее всего смерть дерева. Она даже не ощущается как смерть, а как возрождение к новой жизни никогда не умирающей природы. Прекрасно и мудро все, что связано с природой и что живет по ее законам; ложно, немощно и внутренне бесплодно то, что живет, нарушая эти законы, — вот мысль, так тесно породнившая Толстого с его учителем Руссо, мысль, проходящая через все, что писал до тех пор Толстой и что он напишет позже.

Все больше и больше задумывается теперь Толстой над тем, как надо воспитывать человека, чтобы подготовить его к подлинно человеческой жизни.

В середине 1860 года он вместе с сестрой и ее детьми вторично поехал за границу. Нужно было навестить лечившегося там от чахотки брата Николая Николаевича. На этот раз путешествие продолжалось более девяти месяцев. Толстой побывал опять в Германии, во Франции, в Италии, посетил Лондон и Брюссель. Но теперь всюду, где он останавливался, он больше всего интересовался вопросами педагогики. Он усиленно посещал школы. Немецкая школа произвела на него тягостное впечатление. «Ужасно, — записывает он в дневник после посещения одной школы в Киссингене, — молитва за короля, побои, все наизусть, испуганные, изуродованные дети».

В Лондоне Толстой познакомился с Герценом, которого всегда высоко ценил как писателя и мыслителя, посетил парламент и слушал лекцию Диккенса о воспитании; в Брюсселе встречался с Прудоном, с которым вел длительные беседы, и с польским революционером Лелевелем. На обратном пути через Берлин он посетил немецкого писателя Ауэрбаха,

автора «Деревенских рассказов», и ученого-педагога Дистервега.

Брата своего Толстой застал уже в безнадежном состоянии. И снова смерть близкого человека тяжело поразила его...

Он вернулся в Россию. В нем была сильнее, чем когда-либо, жажда общественной деятельности. Крепостное право было только что уничтожено, но судьбы русского крестьянства, по-прежнему бесправного, глубоко волнуют Толстого. Сам помещик, граф, он чувствует и свою долго ответственности за эти судьбы. Он принимает должность мирового посредника, чтобы способствовать облегчению участи крестьянства в своих родных местах, и со страстью предается педагогической деятельности в устроенной им яснополянской школе для крестьянских детей. Он пишет педагогические статьи, издает в течение года с лишним педагогический журнал «Ясная Поляна».

Общественная и педагогическая деятельность сделала Толстого подозрительным в глазах правительства, и по предписанию из Петербурга в его отсутствие в Ясной Поляне был произведен тщательный обыск...

*

В сентябре 1862 года Толстой женился на дочери московского врача придворного ведомства Софье Андреевне Берс. Он почувствовал себя счастливым мужем и счастливым отцом все умножавшегося семейства. Став семьянином, он увлекся хозяйственной деятельностью, не отвлекавшей его, впрочем, от напряженной литературной работы, которая вновь его захватила. Он закончил давно начатых «Казаков» и в 1863 году напечатал их. В том же году вышла в свет повесть «Поликушка», начатая во время второго заграничного путешествия.

«Казаки» — одно из самых поэтических созданий Толстого. Люди и природа Северного Кавказа изображены тут во всей своей стихийной силе и почти первобытной красоте. Дяде Ерошке, красавице Марьянке, казаку Лукашке неведом тот душевный разлад, каким заражен столичный аристократ Оленин (во многом образ автобиографический). Оленину самому хочется зажить такой же простой и гармонической жизнью, какой живут эти люди, но он отягчен душевным грузом, от которого не в силах освободиться. Он чужой здесь, его любовь к Марьянке остается безответной, и он уходит от казаков, чтобы возвратиться в привычные для него условия жизни.

«Поликушка» — жуткая история крестьянина, живущего в пору

крепостного права. Как и в «Утре помещика», Толстой в этой трагической повести показывает тщету всяких попыток со стороны помещиков прийти на помощь крепостным крестьянам даже тогда, когда помещики искренне хотят этого. Несомненно, он вспоминает тут о своих многочисленных и глубоко не удовлетворявших его попытках облагодетельствовать своих крестьян. Повесть написана с тем же суровым и откровенным реализмом, что и «Утро помещика», и держит читателя все время в состоянии взволнованного напряжения.

Внутренняя ложь и уродство жизни привилегированных классов художественно ярко и смело показаны Толстым в повести «Холстомер», задуманной еще в 1856 году, в большей своей части написанной в 1863 году, но окончательно отделанной лишь в 1865 году. Необычен герой повести: Холстомер — это лошадь. Перед читателем проходит вся жизнь Холстомера — от молодости, когда он был замечательным рысаком, до старости, когда он превратился в жалкую клячу. И параллельно с этим Толстой рисует образы хозяев, поочередно владевших Холстомером. Эта повесть заставляет вспомнить о «Трех смертях». Холстомеру непонятна та масса условностей и предрассудков, которыми люди опутали свою жизнь. Ему представляется бессмысленным и противоречивым институт собственности. Жизнь лошади, живущей по законам природы, оправдана вся, от начала до конца, жизнь же ее хозяев ничтожна и жалка. И смерть их не приносит окружающим ничего, кроме досадных хлопот. Мертвым телом Холстомера напитались собаки, птицы и голодные волчата, кости его употребил мужик для своих нужд, пригодилась людям и его шкура. Тело же долголетнего владельца лошади князя Серпуховского и кости его никому ни на что негодились.

В конце 1863 года Толстой принялся за работу над самым могучим своим созданием — над романом «Война и мир». Шесть с лишним лет «непрестанного и исключительного труда при наилучших условиях жизни», как говорил сам Толстой, потребовалось для того, чтобы написать «Войну и мир». Это исторический роман, равного которому по художественным качествам, по глубине содержания и широте охвата не знает ни одна литература во всем мире. Знаменитый французский писатель Флобер, один из величайших европейских романистов, познакомившись с «Войной и миром» во французском переводе, с восторгом восклицал: «Это Шекспир, это Шекспир!» Русский критик и философ И. Н. Страхов, к голосу которого особенно прислушивался Толстой, писал о «Войне и мире»: «Какая громада и какая стройность! Ничего подобного не представляет нам ни одна литература. Тысячи лиц, тысячи сцен,

всевозможные сферы государственной и частной жизни, история, война, все ужасы, какие есть на земле, все страсти, все моменты человеческой жизни, от крика новорожденного ребенка до последней вспышки чувства умирающего старика, все радости и горести, доступные человеку, всевозможные душевные настроения — от ощущений вора, укравшего червонцы у своего товарища, до высочайших движений героизма и дум внутреннего просветления — все это есть в этой картине... Подобного чуда в искусстве, притом чуда, достигнутого самыми простыми средствами, еще не бывало на свете».

Сам Толстой, очень сдержанно относившийся к своим произведениям, часто резко осуждавший их, относительно «Войны и мира» как-то сказал А. М. Горькому: «Без ложной скромности — это как «Илиада». Мы добавили бы: «И как «Одиссея», потому что в романе с одинаковой художественной силой изображены картины военной и мирной жизни.

К «Войне и миру» Толстой пришел от повести «Декабристы». В этой повести рассказывалось о событиях 1856 года — времени возвращения из Сибири героя произведения. Но начатая повесть вскоре была оставлена. Толстой почувствовал необходимость для объяснения судьбы своего героя в 50-х годах обратиться в глубь истории, сначала к 1825 году — поре молодости героя. Эта пора совпала со «славной для России эпохой», «запах и звук» которой еще слышны были во время работы Толстого над романом.

Но и на этот раз он оставил начатое: личность героя, как говорит Толстой в наброске предисловия к роману, отступила в его изображении на второй план, а на первое место выступила сама эпоха, предшествовавшая 1812 году и ею подготовившая, — с ее людьми, молодыми и старыми мужчинами и женщинами.

Толстой начал роман с событий 1805 года.

Отойдя таким образом от 1856 к 1805 году, Толстой, судя по тому же наброску его предисловия, намерен был провести своих героев и героинь через исторические события 1805, 1812, 1825 и 1856 годов. Гораздо более короткий, чем было задумано, период времени, в котором происходит действие «Войны и мира», выбрал зато в себя такой материал, который и не мыслился в начале работы над романом. По первому замыслу Толстого, преобладающей темой в романе должна была быть семейная, а исторические события — лишь фоном для нее. Отсутствовало описание Бородинской битвы: лишь эпизодически выступали Александр I, Наполеон, Кутузов, причем Наполеон вначале изображался не так отрицательно, как в завершительной редакции «Войны и мира».

В ранней редакции романа отсутствовал еще народ как истинная сила,

отсутствовала народная война, не был выведен и Платон Каратаев, ставший затем в глазах Толстого воплощением народной мудрости и мужицкой правды. И лишь по мере того, как работа над романом подвигалась вперед, он превращался в величественную эпопею народной доблести и славы, не утратив, однако, черт семейной хроники, намеченных в первоначальном его замысле. Творчески вживаясь в эпоху, Толстой понял, каковы были основные движущие силы в героических событиях этого славного людьми и делами времени. Величайшая художественная четкость приводила Толстого к тому творческому озарению, которое открывало ему подлинную правду жизни и истории.

И в той «Войне и мире», которую мы знаем, самый главный, самый непререкаемый герой — русский народ, защищающий родную землю от вторгшегося в нее, непобедимого до тех пор и увенчанного военными лаврами Наполеона и его армии. Война России с иностранными захватчиками показана Толстым в романе как война народная; поэтому она и кончилась победой русского народа. С правдивостью историка и художника-реалиста Толстой показал, что Отечественная война 1812 года была справедливой войной. Обороняясь, русские подняли «дубину народной войны», которая «гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие». «Скрытая теплота патриотизма» поднялась во всех слоях русского общества: ненависть к врагу в одинаковой мере испытывали и купец Ферапонтов, и князь Андрей Болконский, вначале преклонявшийся перед Наполеоном как полководцем.

Проигрыш русскими Аустерлицкого сражения Болконский объясняет тем, что при Аустерлице нам не за что было драться, и потому мы, заранее сказав себе, что проиграем сражение, действительно его проиграли. Предстоящая же битва (при Бородине), по твердому убеждению Болконского, должна быть русскими выиграна, потому что победа зависит от того чувства родины, которое есть в нем самом, в капитане Тимохине и каждом русском солдате. Толстой говорит тут о воле к победе всего русского войска перед Бородинской битвой. Пьер Безухов накануне Бородина видит, как лица солдат, строгие и значительные, осветились «новым светом», а в самый разгар боя, «как из придвигающейся грозовой тучи, чаще и чаще, светлее и светлее вспыхивали на лицах этих людей (как бы в отпор совершающегося) молнии скрытого, разгорающегося огня». Пьер понял главное, что привело их к победе: «Они не говорят, но делают».

Бородинская битва, по мысли Толстого, была прежде всего нравственной победой русского народа. Русские, потеряв половину своего войска, стояли так же грозно в конце сражения, как и в начале его. И

французы поняли нравственное превосходство своего противника; поняла также, что сами они были нравственно истощены, опустошены. Это и предопределило в дальнейшем их полное поражение.

Докатившись до Москвы, смертельно раненная французская армия неминуемо должна была погибнуть. Оставление Москвы ее жителями, по убеждению Толстого, произошло потому, что «для русских людей не могло быть вопроса: хорошо или дурно будет под управлением французов в Москве? Под управлением французов нельзя было быть: это было хуже всего. И оттого, что жители покинули Москву, совершилось то величественное событие, которое навсегда останется лучшею славой русского народа».

Сила народного духа выдвигает великих полководцев, осуществляющих в своей деятельности волю народа. Таким полководцем в войну 12-го года был Кутузов. О нем Толстой говорит: «Источник этой необычайной силы прозрения в смысл совершающихся явлений лежал в том народном чувстве, которое он носил в себе во всей чистоте и силе его. Только признание в нем этого чувства заставило народ такими странными путями его, в немилости находящегося старика, выбрать, против воли царя, в представителя народной войны».

Кутузов всегда утверждал, что Бородинское сражение было победой русских войск и что эта победа повлекла за собой катастрофу наполеоновской армии. В одном из черновых вариантов «Войны и мира» Толстой писал: «Приняв командование армиями в самую трудную минуту, он вместе с народом и по воле народа делал распоряжения для единственного сражения во все время войны, сражения при Бородине, где народ напряг все свои силы, и где народ победил, и где один Кутузов, чувствовавший всегда вместе с народом, противно всем толкованиям своих генералов, противно преданиям о признаках победы, предполагающим занятие места, знал то, что знал весь русский народ, — то, что народ этот победил».

Полной противоположностью Кутузову в изображении Толстого является Наполеон, человек самовлюбленный и самомнительный, воплощающий в себе личное начало, верящий лишь в себя и в свою непогрешимость полководца и распорядителя человеческими судьбами.

Рядом с Кутузовым ничтожными пигмеями и бездарностями изображены в «Войне и мире» генералы из немцев, служившие в русской армии в войну 12-го года. Самоуверенная ограниченность немцев ярче всего воплощена Толстым в образе генерала Пфуля, незадачливого организатора Дрисского укрепленного лагеря. Пфуль, по словам Толстого,

«был один из тех безнадежно, неизменно, до мученичества самоуверенных людей, которыми только бывают немцы». Сравнивая характер самоуверенности у разных народов, Толстой пишет: «Немец самоуверен хуже всех, и тверже всех, и противнее всех, потому что он воображает, что знает истину, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина».

Духовная сила, которую обнаружил русский народ в Отечественную войну 1812 года, — та сила, что воплотилась в деятельности Кутузова, — дает себя знать и в Андрее Болконском, и в Пьере Безухове, и в Наташе Ростовой, и в других персонажах «Войны и мира». В самые значительные моменты своей жизни они прибегают к народной правде и ею духовно возрождаются.

Характерная особенность художественного письма «Войны и мира», обусловившая его реалистичность, заключается в том, что автор, выводя своих героев, не говорит и не рассуждает за них, но им самим предоставляет говорить, чувствовать и действовать. Каждое их душевное движение, каждый поступок и каждое слово находятся в полном соответствии с их характерами. И битвы и другие события в «Войне и мире» доводятся до сознания читателя не путем авторского пересказа, а через впечатления лиц, в них принимавших участие. Шенграбенское сражение описано большей частью так, как его воспринимает Андрей Болконский; битва при Аустерлице передается через впечатления Николая Ростова. И самих действующих лиц романа Толстой предпочитает описывать не от себя, а сообщая читателю впечатления от них других своих героев. При этом внутренний и внешний облик того или иного героя выступает не сразу, а раскрывается постепенно, так, как это нужно и естественно по ходу действия романа.

Природа в «Войне и мире», как и в большинстве других произведений Толстого, также изображается не путем авторских описаний, а через ощущение ее действующими лицами. И тогда то, о чем говорит Толстой, с поразительной силой жизненности встает перед читателем.

«Война и мир» в наше время — самое популярное и самое любимое произведение искусства. Его жадно перечитывают миллионы советских читателей и в тылу, и на фронте, потому что страницы, посвященные героическому прошлому русского народа, помогают лучше осмыслить и почувствовать героизм и духовное величие нашего народа в настоящем. Они вооружают к борьбе, внушают веру в наше полное торжество над теперешним нашим врагом — кровавым гитлеризмом, воодушевляют к подвигу. Толстой своим гениальным постижением русского народного духа

в пору тяжких исторических испытаний крепит нашу мощь и помогает нам защищать нашу Родину.

Не только на советской земле, освобождающейся от вражеского нашествия, бессмертная эпопея Толстого звучит так, как не звучала она еще никогда: ее читают и перечитывают теперь всюду, где ненавидят гитлеровскую Германию и ведут с ней борьбу. В Англии, в Америке, в Швейцарии выходят новые и новые издания «Войны и мира». О романе Толстого с восторгом говорят критики, писатели, журналисты, общественные деятели дружественных нам стран.

В Англии «Война и мир» передается по радио, в Америке по тексту романа сделан большой фильм. Газета «Таймс» цитирует письмо одного из своих подписчиков, который за последний год перечитал «Войну и мир» пять раз. «Неизменно, — пишет он, — я черпал в бессмертном произведении Льва Толстого спокойствие и уверенность в победе...»

В художественных образах «Войны и мира», и в главных и второстепенных, нас привлекает не только глубокое проникновение Толстого в человеческие характеры и в исторический быт, не только исключительный по силе реализм, но и его глубокая вера в непочатые силы народа, а также та утверждающая и радостная сила жизни, которой проникнут весь роман. Великая эпопея Толстого пробуждает в нас лучшие человеческие чувства, как это делают создания Пушкина, Шекспира и других гениев человечества.

*

В 1865 году на среднерусскую деревню надвигался голод. В это время Толстой, чувствующий себя в пору работы над «Войной и миром» на вершине личного счастья, написал Фету очень характерное письмо: «Последнее время я своими делами доволен, но общий ход дел, т. е. предстоящее народное бедствие голода, с каждым днем мучает меня больше и больше. Так странно и даже хорошо и страшно: у нас за столом редиска розовая, желтое масло, подрумяненный мягкий хлеб на чистой скатерти, в саду зелень, молодые наши дамы в кисейных платьях рады, что жарко и тень, а там этот злой черт — голод — делает уже свое дело, покрывает поля лебедой, разводит трещины по высохнувшей земле, и обдирает мозольные пятки мужиков и баб, и трескает копыта скотины и всех их проберет и расшевелит, пожалуй, так, что и нам под тенистыми липами в кисейных платьях и с желтым сливочным маслом на расписном

блюде достанется».

В этих словах, пока еще глухо, слышится тот мотив возмездия, который громко зазвучит у Толстого в 80-е годы.

Вскоре после того, как написаны были приведенные строки, Толстой заносит в записную книжку: «Всемирнонародная задача России состоит в том, чтобы внести в мир идею общественного устройства без поземельной собственности». Таким образом уже в 60-х годах главное средство разрешения социальных противоречий Толстой видел в упразднении частной собственности на землю.

Очень важным событием в жизни Толстого в этот период было его выступление в качестве защитника по делу солдата Шибунина, ударившего офицера, систематически его преследовавшего. Толстому, однако, не удалось добиться смягчения участи своего подзащитного, и по приговору военного суда Шибунин был расстрелян. Вспоминая незадолго до своей смерти о казни Шибунина, Толстой писал: «Случай этот имел на всю мою жизнь гораздо большее влияние, чем все кажущиеся более важные события жизни: потеря или поправление состояния, успехи или неудачи в литературе, даже потеря близких людей».

Вскоре после окончания работы над «Войной и миром» Толстой задумал роман из эпохи Петра I, но, заготовив для романа много материала и написав ряд замечательных фрагментов его, он прекратил эту работу: неподкупный реалист, он остался неудовлетворен той степенью реальности в изображении отдаленной петровской эпохи, которой ему удалось достигнуть.

С большой энергией он взялся за составление задуманной им «Азбуки» для народа.

В это же время он принялся изучать греческий язык и в три месяца настолько овладел им, что мог без словаря читать греческих авторов.

Толстому было тогда 42 года.

В 1870 году он писал Фету: «С утра до ночи учусь по-гречески. Я ничего не пишу, а только учусь. Невероятно и ни на что не похоже. A *livre ouvert*^[3] читаю Ксенофонта.

Жду с нетерпением показать кому-нибудь этот фокус. Но как я счастлив, что на меня бог наслал эту дурь! Я убедился, что из всего истинно-прекрасного, что произвело слово человеческое, я до сих пор ничего не знал, как все».

Свой «фокус» Толстой вскоре показал специалисту-классику профессору Леонтьеву, по достоинству оценившему необычайные его успехи в усвоении языка, которого еще три месяца тому назад совершенно

не знал.

Тогда же Толстой «страстно, но урывками», как он говорит, занимался естественными науками, особенно физикой и астрономией.

Второй великий роман Толстого — «Анна Каренина», за который он принялся в марте 1873 года, не оторвал его от новых разносторонних занятий и интересов. В это время он вновь особенно увлекается педагогикой — она стала для него важнее, чем литературная деятельность. Своей родственнице А. А. Толстой он сообщает: «Я опять в педагогике, как четырнадцать лет тому назад; пишу роман, но часто не могу оторваться от живых людей для воображаемых».

С 1871 по 1875 год Толстой несколько раз ездил в Самарскую губернию для лечения кумысом: здоровье его было расшатано усиленной работой. В 1872 году Самарскую губернию постиг голод, и он принял энергичное участие в помощи пострадавшему от голода населению.

В 1877 году разразилась русско-турецкая война. У Толстого она вновь вызвала подъем патриотических чувств. Еще до начала войны, в ноябре 1876 года, он приехал в Москву со специальной целью — узнать последние известия о военных приготовлениях. В день объявления войны он писал А. А. Толстому, что начавшаяся война «занимает» и «сильно трогает» его. Через четыре месяца после этого в письме к Н. Н. Страхову он признался, что не может писать «от волнения». «Мысль о войне», «вопрос о нашей несостоятельности» «застилает все». Толстой думал, что «мы находимся на краю большого переворота». Он замышляет написать Александру II письмо, в котором хочет указать причины наших неудач и высказать свою точку зрения по поводу общего состояния России. Своей жене Толстой говорил, что, пока продолжается война, он не может ни за что взяться. Когда же в ноябре 1877 года русские войска взяли турецкую крепость Карс, он в письме к Фету облегченно признался, что ему «перестало быть совестно».

И как раз в том же году была закончена и вышла полностью в свет «Анна Каренина». Задумывая новый роман, Толстой первоначально хотел показать в нем судьбу «потерявшей себя замужней женщины из высшего общества». Но чем дальше подвигалась работа над романом, тем все шире раздвигались его рамки, как это всегда бывало у Толстого, когда он осуществлял свои литературные замыслы. В завершительной редакции «Анна Каренина» превратилась в роман с очень широким и очень глубоким охватом лиц и событий, отразив в себе целую эпоху русской жизни. В окончательном тексте романа Толстой с поразительным мастерством и предельной силой психологической правды изобразил трагедию молодой,

внутренне незаурядной женщины, попытавшейся пойти тем путем, какой подсказывал ей живой инстинкт жизни, и погибшей в тисках светского уклада с его лживой и бездушной моралью.

«Свет» и вся обстановка старой России — все становится на пути Анны и ее любви к Вронскому. Муж ее — Каренин — не способен удержать ее от увлечения блестящим, красивым Вронским. Каренин — черствая натура, канцелярская машина; в нем редко проявляется настоящий живой человек. Ему не хватает таланта любви, которым в избытке наделена Анна. Но в своей любви к Вронскому она не находит счастья, потому что у Вронского нет той широты понимания страдающей женской души и той чуткости, какие особенно нужны были Анне, чтобы справиться со своим непосильно тяжелым бременем, которое выпало на ее долю.

Рядом с историей жизни Анны Карениной, Каренина, Вронского в романе показана жизнь Левина и его невесты, а затем жены — Кити. Здесь Толстой в очень большой степени отразил свою собственную жизнь и жизнь своей невесты и жены в ее молодости, а также свои поиски смысла и цели жизни. Вместе с тем судьба всех героев романа, и основных и второстепенных, показана в тесной связи с эпохой 70-х годов. Получилась яркая картина тех настроений и социальных и экономических сдвигов, какие характеризовали жизнь разных слоев общества тогдашней России, начиная от дворянских верхов и кончая крестьянством. Все основное, что занимало и волновало широкие круги русского общества в то время, нашло в романе свое отражение. Пореформенный помещичий и крестьянский быт, научные и философские проблемы эпохи, вопросы искусства, исторические и политические события, отдельные правительственные мероприятия, факты общественной жизни — все это так или иначе отразилось в «Анне Карениной».

Так усложнилась тема романа, задуманного первоначально лишь как повествование о судьбе неверной жены. Недаром Ленин, приводя цитату как раз из «Анны Карениной» (слова Левина: «У нас теперь все это перевернулось и только укладывается»), указывает, что «трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861–1905 годов».

Через двенадцать лет после написания «Анны Карениной» Толстой писал своему хорошему знакомому Г. А. Русанову: «Иногда хочется все-таки писать и, представьте себе, чаще всего именно роман, широкий, свободный, вроде «Анны Карениной», в который без напряжения входило бы все, что кажется мне понятным с новой необычайной и полезной людям стороны».

Характерно, что у Толстого работа над художественным

произведением всегда сопровождалась стремлением уяснить себе существенные вопросы, волновавшие его и выдвигавшиеся современностью. Он вмещал в роман все казавшееся ему животрепещущим, идейно значительным, смело нарушая общепринятые литературные каноны и жертвуя ими, когда ему нужно было откликнуться на факты реальной жизни, так или иначе задевавшие его и заставлявшие работать его сознание. Художественный образ для Толстого был прежде всего средством возможно более точно и наглядно сообщить читателю свои мысли о жизни и одновременно самому себе помочь оформить их в их конкретном выражении.

«Анна Каренина» — произведение, в котором глубина идейного замысла органически сочеталась с изумительной мощью словесного искусства. По силе и мастерству изображения живых людей с их душевными переживаниями, с их радостями и страданиями, волнениями и заботами, нравственными исканиями и блужданиями этот роман не уступает «Войне и миру». В «Анне Карениной» Толстой все тот же великий художник-психолог, необыкновенный знаток человеческой души. Казалось бы, что во всем, ранее им созданном он исчерпал все разновидности человеческой психологии и человеческих характеров, доступные писательскому и жизненному опыту одного художника. Однако в «Анне Карениной» писатель, не повторяя себя, показал нам новые человеческие индивидуальности и проник в новые психологические глубины, им пока еще не затронутые или затронутые лишь мимоходом. Анна, Вронский, Каренин, Левин, Кити, Стива Облонский, его жена Долли — все эти образы — замечательные художественные открытия. Они были под силу только все крепнувшему и развивавшемуся таланту Толстого, нашедшего сверх того и новые, свежие краски для изображения в своем романе быта и природы, и новые формы построения самого романа.

*

Ко времени окончания «Анны Карениной» уже вполне созрел тот перелом во взглядах Толстого на жизнь, на ее нравственные основы, на религию, на общественные отношения, который лишь углублялся в 80-е годы и затем отразился во всех последующих произведениях Толстого. В 80-е годы из-под его пера вышли такие сочинения, как «Исповедь», «В чем моя вера?», «Так что же нам делать?», в которых он с большим волнением и с большой искренностью пересматривал и свои собственные нравственные,

религиозные и общественные взгляды и навыки, и все то, чем жило современное ему общество и что усердно охранял социальный и государственный строй царской России. Критика Толстого направлена была, впрочем, не только против отрицательных сторон одной лишь русской действительности, но и против устоев жизни привилегированных классов вообще во всех цивилизованных странах.

Начав с отрицания церковной веры, Толстой все больше проникается отрицательным отношением к государственному строю Российской империи. Ему внушает отвращение фигура Победоносцева, ставшего опорой реакции. В 1881 году Толстой пишет Александру III письмо, в котором просит его помиловать революционеров, убивших Александра II, но Победоносцев отказывается передать это письмо по назначению. Тогда же Толстой записывает в дневнике: «Революция экономическая не то что может быть, а не может не быть. Удивительно, что ее нет».

Когда десять народовольцев по «процессу 22-х» были приговорены к смертной казни, он, справляясь в письме к жене об участии приговоренных, пишет ей: «Не выходят у меня из головы и сердца. И мучает, и негодование поднимается».

В сентябре 1881 года Толстой с семьей на длительное время поселился в Москве, чтобы дать образование подросткам. Посещение им московского Хитрова рынка и ночлежного дома, а также участие в январе 1882 года в трехдневной московской переписи открыло ему глаза на ужасы городской нищеты и городского разврата. Об этом он рассказал в большой статье «Так что же нам делать?», изложив в то же время в ней свои основные взгляды на проблемы религии, морали, науки, искусства, а также на проблемы социальные, экономические и педагогические.

В этой статье вполне определились позиции Толстого, сблизившие его с идеологией русского патриархального крестьянина, все больше разоряемого, нищавшего по мере того, как и деревню захватывал развивавшийся капитализм. Ленин наглядно показал, в какой мере протест и критика Толстого были отражением настроений обездоленной крестьянской массы. Теперь уже до конца своих дней Толстой и в своих публицистических и религиозных статьях, и в художественных произведениях особенно энергично и настойчиво выступает как суровый обличитель устоев капиталистической действительности.

«Я отрекся от жизни нашего круга, — пишет он в «Исповеди», — признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в которых мы живем, лишают нас возможности понимать жизнь, и что для того, чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений,

не нас, паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа — того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей».

«Простой трудовой народ» — было русское многомиллионное крестьянство.

В мировоззрении Толстого отразилась вся противоречивость крестьянского мышления и крестьянской психологии в пору стремительного наступления капитализма и подготовки в России буржуазно-демократической революции. Ленин гениально отметил, что противоречивость эта и у нашего крестьянства, и у Толстого сказалась в том, что страстный протест против гнета полицейско-самодержавного государства совмещался у них с пассивным отношением к царившему злу, с религиозной мечтательностью и проповедью непротивления.

«Противоречия во взглядах Толстого, — говорит Ленин, — надо оценивать не с точки зрения современного рабочего движения и современного социализма, а с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней»^[4]. Подходя так к противоречиям во взглядах Толстого, Ленин увидел в них «действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции»^[5]. По словам Ленина, Толстой «сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования»^[6].

Близко принимая к сердцу народное горе, смело и энергично обличая все то, что он считал причиной бедственного положения народа, Толстой последние тридцать лет своей жизни упорно и настойчиво проповедовал свое учение, которое, по его убеждению, должно было способствовать водворению истинной справедливости и «царства божия» на земле. Его проповедь и его учение оказались бессильными в деле переустройства жизни на началах добра и справедливости, как того хотел Толстой. И это потому, что Толстой в своих воззрениях и в своем отношении к волновавшим его вопросам исходил не из непреложных законов исторической необходимости, а из отвлеченных моральных и религиозных положений.

Толстой утверждал, что все завоевания культуры и цивилизации ничего, кроме вреда, не принесли трудовому народу, и потому ополчился против этих завоеваний, как ополчился, в частности, и против научного и

технического прогресса. Не возражая против использования всех достижений техники для подчинения природы человеку, Толстой все же единственно оправданным видом человеческого труда считал труд земледельческий, а идеальным общественным строем — строй своеобразного «христианского коммунизма». Утопическая система Толстого находилась в явном противоречии с реальной действительностью и поэтому не могла сыграть положительной роли в социальном строительстве.

Тем не менее Ленин, признавая в целом учение Толстого утопичным и реакционным, говорил, что Толстой велик как «выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени буржуазной революции в России»^[7]. Мировое значение Толстого как художника и мировую его известность как мыслителя и проповедника Ленин объяснял тем, что и в том и в другом по-своему отразилось мировое значение русской революции. Ленин очень образно сказал: «Великое народное море, взволновавшееся до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого»^[8]. Наконец, утопичность и реакционность учения Толстого, по мысли Ленина, не препятствует тому, чтобы считать его учение социалистическим (речь идет, разумеется, о социализме утопическом) и признавать в нем наличие критических элементов, «способных доставлять ценный материал для просвещения передовых классов»^[9].

Религиозно-философские и публицистические сочинения Толстого по цензурным условиям не могли печататься в России. Они издавались за границей, сначала в Швейцарии, а затем в Англии при посредстве его друга и единомышленника В. Г. Черткова, с которым он познакомился в 1883 году. При ближайшем участии Толстого и при деятельной помощи Черткова в конце 1884 года в Москве основано было издательство «Посредник», ставившее себе задачей создание литературы для народа в духе тех идей, которые Толстой проводил в своих сочинениях. В этом издательстве вышел также ряд его собственных рассказов.

Стремясь согласовать свою жизнь со своим учением, Толстой желал приблизить и свой быт к жизни и быту трудового народа. Он ограничил свои потребности и чередовал литературную работу с физическим трудом. И в то же время, уже стариком, он снова принялся изучать новый язык — древнееврейский. На этом языке он читал Библию.

Толстовская проповедь вызвала со стороны правительства и церковных властей резко недоброжелательное отношение. Только огромный авторитет

великого писателя спасал его от личных преследований. Но еще больше, чем цензурные притеснения, чем травля и клевета, огорчало Толстого то, что в своей собственной семье он не только не встречал сочувствия своему образу мыслей, но наталкивался на противодействие всему тому, что теперь ему было особенно дорого. Жить Толстому в таких условиях было настолько трудно, что он несколько раз уже в эту пору пытался уйти из своего дома.

Моральный и религиозный кризис, вполне определившийся у Толстого к началу 80-х годов, не мог не сказаться на всем характере его художественного творчества этого и последующего времени, как не мог он не сказаться и на взглядах его на задачи искусства. Теперь Толстой энергично восстает против искусства, рассчитанного на удовлетворение вкусов и потребностей привилегированных классов, и защищает искусство всенародное, способное объединить возможно большее количество людей в их духовной деятельности. Такое искусство должно быть общепонятным и должно отвечать на жизненные запросы трудовой народной массы, то есть, по взгляду Толстого, крестьянства.

И теперь, как в молодые годы, он необыкновенно высоко оценивает народное творчество — сказки, легенды, песни, былины, пословицы — и берет это творчество за образец для себя как писателя. Так создаются народные рассказы Толстого, которые ставят себе задачей дать народу здоровую духовную пищу, взамен низкопробной и безыдейной лубочной литературы. Многие из этих рассказов написаны в форме притчи, и этим еще больше подчеркивается их поучительный, сугубо моралистический характер. Им чужд изощренный психологизм большинства произведений Толстого, но они отличаются той ясностью и сжатостью стиля и той простотой, которые сами по себе являются высоким достижением искусства и роднят прозу народных рассказов не только со стилем народного творчества, но и с гармонически ясной и прозрачной прозой Пушкина.

Наряду с народными рассказами Толстой пишет в ту пору и народные драмы, которые противостояли балаганным представлениям так же, как народные рассказы лубочной литературе. По своим художественным качествам эти драматические опыты в большинстве уступают народным рассказам, но среди них высится, как мировой драматический шедевр, пьеса «Власть тьмы» — подлинная трагедия шекспировской мощи. Толстой в ней использует те средства проникновенного психологического анализа, которые так хорошо знакомы нам по его предшествующим произведениям и к которым он намеренно не прибегал в народных рассказах. В пьесе

показана с огромным художественным мастерством патриархальная, отсталая русская деревня в ее столкновении с проникающими в нее капиталистическими отношениями. Впечатление, произведенное «Властью тьмы» не только в России, но и в Западной Европе, было очень велико. Вслед за русской сценой она появилась и на западной сцене, во многих зарубежных театрах.

Вскоре после «Власти тьмы» Толстой написал комедию «Плоды просвещения», в которой изобразил праздное барство, увлекающееся модным в ту пору спиритизмом. Это злая и очень остроумная сатира на господские причуды и господское безделье. Сочувственно изображены в комедии только безземельные крестьяне, добившиеся продажи им господской земли лишь при помощи изобретательной, смысленной и веселой своей односельчанки — горничной, одурачившей бар вмешательством «духов», которое она сама ловко подстроила.

В том же году, что и «Власть тьмы», появляется в свет одна из замечательнейших повестей Толстого — «Смерть Ивана Ильича», написанная на тему об ужасе умирания человека, все существование которого было наполнено ничтожной и жалкой житейской пустотой. Ничего сколько-нибудь значительного, что поднималось бы над мелочным распорядком размеренной жизни, не было в скудной биографии Ивана Ильича; никакие серьезные вопросы, выходящие за пределы служебной карьеры и обеспеченного домашнего быта, не приходили ему в голову. Но вот его неожиданно настигает тяжелая, мучительная болезнь, приключившаяся от случайного легкого ушиба. С гениальной интуицией Толстой изображает все течение болезни, со всеми ее деталями, показывая при этом, как впервые у Ивана Ильича возникает работа внутреннего сознания, приводящая его к суровой самопроверке, к безнадежному отчаянию человека, которому нечем оправдать себя перед лицом неминуемой смерти. Никто до Толстого, да и после него, не вскрыл с такой правдивостью душевную и физическую муку умирающего, жизнь которого была сплошной бессмыслицей и самообманом.

В конце 80-х годов и в начале 90-х годов Толстой усиленно работал над художественными произведениями на тему о половой любви. К этому времени относятся «Крейцера соната» и «Дьявол», а также начало работы над повестью, из которой через десять лет вырос роман «Воскресение». И в «Крейцеровой сонате» и в «Дьяволе» Толстой с необыкновенной смелостью вскрыл губительность испепеляющей человека стихии чувственной любви, не согретой ни одним лучом человеческих, духовных отношений. Эта же тема занимает значительное место в тогда же

начатой, но так и не законченной повести «Отец Сергей».

То мирозерцание и то отношение к жизни, которое определялось у Толстого в 80-е годы, в дальнейшем все более и более укреплялись. В 1891 году Толстой, преодолев сопротивление жены, публично заявил об отказе от литературной собственности на свои произведения, написанные после 1881 года. В 1891–1893 годах и 1896-м он принимал энергичное участие в помощи пострадавшим от голода: сам посещал голодающие деревни в Рязанской, Тульской и Орловской губерниях, устраивал для голодающих столовые, организовывал сбор денежных пожертвований, писал статьи о способах борьбы с голодом.

В этих статьях Толстой не мог не связывать тяжелое народное бедствие со всем государственным и общественным строем современной ему России и не мог не осуждать сурово этот строй. Реакционная газета «Московские ведомости», перепечатывая выдержки из статьи Толстого «Почему голодают русские крестьяне?» (так озаглавленной в обратном переводе с английского языка), в редакционной статье писала: «Письма гр. Толстого... являются открытою пропагандою к ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя. Пропаганда графа есть пропаганда самого крайнего, самого разнузданного социализма, перед которым бледнеет даже наша подпольная пропаганда».

После этой статьи в сферах, близких ко двору, высказывалось мнение о необходимости выслать Толстого, или засадить его в дом для умалишенных, или заточить в тюрьму Суздальского монастыря. Н. Я. Грот писал Толстому, что весь Петербург целую неделю только и говорит о его статье о голоде и что «все богатые тунеядцы раздражены» против Толстого «донельзя». В. Н. Ламздорф, занимавший крупный пост в министерстве иностранных дел, записал в своем дневнике, что недавно захваченные прокламации находились в прямой зависимости от мыслей, высказанных Толстым в этой статье, и это доказывает действительную опасность статьи. Тут же Ламздорф добавил, что в Петербурге было произведено несколько обысков.

В своих письмах к Александру III и потом к Николаю II Толстой очень смело и настойчиво протестовал против всяческих проявлений произвола и насилий, характеризовавших самодержавный режим. Так, в конце декабря 1901 года он пишет Николаю II письмо, в котором призывает его уничтожить «тот гнет, который мешает народу высказать свои желания и нужды», отменить «те исключительные законы», которые ставят трудовой народ «в положение пария», предоставить русским гражданам «свободу передвижения, свободу обучения и свободу исповедания веры» и

уничтожить частную собственность на землю.

Выражением страстного протеста против коренных устоев самодержавного строя явился и роман Толстого «Воскресение». Начатый еще в 1889 году, он продвигался медленно, с большими остановками, и лишь с 1898 года работа над ним пошла очень интенсивно. Толстой решил в виде исключения продать роман и вырученным гонораром помочь сектантам-духоборам, переселявшимся в Канаду в результате преследования их царским правительством. Обличительная сила романа была настолько велика, что текст его, печатавшийся в России в журнале «Нива» за 1899 год и затем выпущенный отдельным изданием в 1900 году в Петербурге, появился с огромным количеством цензурных изъятий и изменений. Бесцензурное издание романа могло выйти лишь за границей в Англии, где его параллельно с русским изданием печатал В. Г. Чертков. Выход в свет «Воскресения» был основным поводом к отлучению Толстого синодом в 1901 году от церкви.

В «Воскресении» дана суровая переоценка всех тех устоев, на которых покоилась жизнь привилегированных классов общества. Действие романа, его персонажи, обстановка, в которой разворачиваются события, — все это приурочено к определенной эпохе русской жизни, хотя, по существу, может характеризовать жизнь любого общества капиталистической эпохи.

Рисую судьбу Катюши Масловой, жертвы плотской страсти князя Нехлюдова, и затем возрождение посланной в Сибирь Масловой под влиянием ссыльных революционеров, мастерски изображая раскаяние Нехлюдова и его стремление нравственно переродиться, Толстой в то же время показывает в романе нищую, разорившуюся деревню, царскую тюрьму и ее обитателей, сибирскую ссылку и революционеров, дает обличительное изображение суда, церкви, высшего чиновничества и всего государственного и общественного строя самодержавной России.

История мировой литературы не знает другого произведения, в котором с такой взволнованностью, с такой чистотой высокого нравственного чувства и в такой широте были бы показаны неправда и вопиющая ненормальность капиталистического строя и самодержавно-полицейского режима, как это сделано в «Воскресении». Все, что до тех пор писал Толстой как проповедник-обличитель, все, против чего он выступил как моралист и публицист, нашло себе в «Воскресении» свое наиболее художественное выражение. Ни одно из предшествовавших художественных созданий Толстого не заключало в себе такого разоблачения капиталистической действительности, как «Воскресение».

В последующих своих произведениях, и художественных и

публицистических, Толстой не переставал отзываться на все, что волновало его нравственное сознание и тревожило его взыскательную совесть.

На склоне своих дней он написал пьесу «Живой труп» и повесть «Хаджи-Мурат» — произведения, во многом резко противоречащие его учению о непротивлении. Главное действующее лицо «Живого трупа» — Федя Протасов — живое воплощение горячего протеста против узаконенного лицемерия буржуазной семьи, в которой супружеские отношения скреплены не чувством взаимной любви, а узами юридического принуждения. Тут прописные заповеди «морали» оказываются жалкими и беспомощными перед естественной силой душевной привязанности, связывающей Протасова и цыганку Машу. Не отвлеченные моральные предписания определяют поведение человека, а живое полноценное чувство, не стесняемое никакой условной ложью, не допускающее никаких компромиссов и сделок с голосом совести. Таков внутренний смысл пьесы Толстого.

В «Хаджи-Мурате» с таким замечательным художественным мастерством нарисована фигура непокорного, свободолюбивого горца, с такой нескрываемой симпатией относится к нему Толстой, что кажется, будто он отказался от своей проповеди непротивления злу насилием и даже приветствует противление угнетению и насилию над свободой и достоинством человека. Читая «Хаджи-Мурата», вспоминаешь больше автора «Казаков», чем автора позднейших религиозно-философских трактатов.

Так могучий дар художника-жизнелюбца вернул Толстого к поре его писательской молодости и как будто заставил поколебаться его — проповедника незлобия и всепрощения. Поразительна благородная простота и строгость стиля и языка «Хаджи-Мурата». Перед нами словно воскресает сжатая и чеканная проза Пушкина, сдержанная и немногословная, но тем более волнующая и впечатляющая.

«Хаджи-Мурат» и «Живой труп» нагляднейшим образом иллюстрируют те противоречия у Толстого, которые так убедительно вскрыты в статьях Ленина о Толстом. Мы знаем, что эти противоречия между тем, что писал Толстой-художник, и тем, чему учил Толстой-проповедник, не помешали Ленину сказать, что творчество Толстого — «шаг вперед в художественном развитии всего человечества», и в беседе с М. Горьким заявить, что в Европе рядом с Толстым как художником некого поставить.

Последние годы жизни Толстого были заполнены обычной для него неустанной работой. Несмотря на очень тяжелую болезнь, перенесенную им в 1901–1902 годах, он был крепок не только духовно, но и физически. Однако чем дальше, тем больше Толстой тяготился жизнью своей в Ясной Поляне. Разногласия с женой становились все резче; у него не было душевного покоя. Толстой все настойчивее стал думать об уходе из Ясной Поляны.

В 1905 году он записал в дневнике: «Все больше и больше болею своим довольством и окружающей нуждою... Пропать народа, все нарядные, едят, пьют, требуют. Слуги бегают, исполняют. И мне все мучительнее и труднее участвовать и не осуждать».

Во время революции 1905 года Толстой надеялся, что пришло освобождение народа от тяжелых материальных и нравственных условий его существования. Он писал в одном из своих писем: «Я во всей этой революции состою в звании, добро-и самовольно принятом на себя, — адвоката стомиллионного земледельческого народа. Все, что содействует или может содействовать его благу, я сорадуюсь: всему тому, что не имеет этой главной цели и отвлекает от нее, я не сочувствую». Его, врага всякого насилия, на этот раз не смущали неизбежные насилия, которыми сопровождалась революция. В письме к В. В. Стасову он говорил: «События совершаются с необыкновенной быстротой и правильностью. Быть недовольным тем, что творится, — все равно что быть недовольным осенью и зимой, не думая о той весне, к которой они нас приближают». Он верил, что революция 1905 года «будет иметь для человечества более значительные и благотворные последствия, чем Великая французская революция».

Жестокая реакция, наступившая после подавления революции, многочисленные смертные казни, каторжные приговоры глубоко волновали Толстого и обостряли его душевные страдания. В 1908 году он написал статью «Не могу молчать!» — гневный протест против кровавого террора, которым царское правительство думало до конца уничтожить следы революции.

Сильнее и сильнее смущала Толстого разница между той обстановкой, в которой он жил, и обстановкой, в какой жили народные массы. В том же 1908 году он записывает в заведенном им «тайном» дневнике: «Жизнь здесь, в Ясной Поляне, вполне отравлена. Куда ни выйду — стыд и

страдание». И через несколько дней: «Все мучительнее — неправда безумной роскоши среди недолжной нищеты, нужды, среди которых я живу... Не могу забыть, не видеть». В апреле 1910 года Толстой жалуется в дневнике: «Мучительная тоска от сознания мерзости своей жизни среди работающих для того, чтобы еле-еле избавиться от холодной, голодной смерти. Вчера проехал мимо бьющих камень, точно меня сквозь строй прогнали...»

Начиная с 1906 года в дневниках Толстого все чаще и чаще встречаются записи о том, что ему необходимо покинуть свой дом. Столкновения с женой стали невыносимо тяжелыми. Наконец рано утром 28 октября 1910 года Толстой выполнил свое намерение. Он тайком уехал из Ясной Поляны. Но в пути, в вагоне 3-го класса, 82-летний старик заболел воспалением легких. Начальник маленькой железнодорожной станции Астапово поместил тяжело больного великого писателя в своем доме. Там он и умер 7 ноября. Прах его был погребен в Ясной Поляне, в лесу, на месте, заранее им самим указанном.

*

Отзываясь на смерть Толстого, Ленин писал: «Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе»^[10].

Величие Толстого-художника обуславливается, помимо его прирожденной гениальности, также исключительной его требовательностью к себе и тем высоким пониманием задач искусства, какое присуще ему было на протяжении всего его писательского пути.

В глазах Толстого художник и мыслитель прежде всего учителя жизни; на них возлагаются величайшие обязанности: они несут великую ответственность за все, что выходит из-под их пера. «Мыслитель и художник, — писал Толстой, — никогда не будут спокойно сидеть на олимпийских высотах, как мы привыкли воображать; мыслитель и художник должен страдать вместе с людьми для того, чтобы найти спасение или утешение. Кроме того, он страдает еще потому, что он всегда, вечно в тревоге и волнении: он мог решить и сказать то, что дало бы благо людям, избавило бы их от страдания, дало бы утешение, и он не так сказал, не так изобразил, как надо; он вовсе не решил и не сказал, а завтра, может, будет поздно — он умрет... Гладких, жуирующих и самодовольных

мыслителей и художников не бывает». Трудно подыскать у какого-либо другого писателя такую четкую и высокую формулировку требований к писателю, какую мы находим в этих словах (они взяты из трактата «Так что же нам делать?»).

Чтобы стать настоящим писателем, нужно, по мысли Толстого, непрестанно и упорно работать над собой не только как над художником, но прежде всего как над человеком. И такая огромная работа всегда сопровождала Толстого на всем его жизненном пути, до самой смерти. Внешнее свое выражение она находила в дневниках, которые он вел с небольшими перерывами, от юности до кончины. В них он и в важном и в мелочах контролировал самого себя, определял правила своего поведения, с суровостью взыскательного и неподкупного судьи анализировал свои поступки, намечал замыслы и планы своих произведений, оценивал, наконец, и — чаще всего очень строго — то, что им было написано.

В дневниках этих мы находим богатейший материал для уразумения не только процесса внутренней работы Толстого, но и процесса его творческих исканий. Чтение толстовских дневников дает нам возможность уяснить весь тот поистине гигантский труд, какой сопровождал никогда не прекращавшиеся и не ослабевавшие у него поиски совершенного идеала в жизни и в творчестве. То же в значительной степени нужно сказать и о письмах Толстого, которых он за всю жизнь написал свыше десяти тысяч.

Высокая идейность произведения, совершенство его художественной формы и — самое главное — искренность и правдивость художника по отношению к изображаемым им явлениям жизни — вот те основные требования, какие в разных формулировках предъявляет Толстой к искусству и к художнику. Писать художник должен лишь о том, что сам страстно любит, чему верит и о чем не может не говорить. На самом пороге своей литературной деятельности, в 1854 году, он записал: «Все сочинения, чтобы быть хорошими, должны, как говорит Гоголь в своей прощальной повести (она выпелась... из души моей), выпеться из души сочинителя». В старости Толстой говорил: «Писать надо только тогда, когда каждый раз, что обмакиваешь перо, оставляешь в чернильнице кусок мяса».

В замечательном письме к В. А. Гольцеву, написанном в 1889 году, Толстой наиболее выразительно сформулировал свои взгляды на то, что нужно подлинному художнику: он должен знать то, что «свойственно» всему человечеству и вместе с тем еще неизвестно ему, т. е. человечеству. Для этого он должен быть «на уровне высшего образования своего века», а главное, не замыкаться в рамки эгоистической личной жизни, а жить общей жизнью человечества. Он должен овладеть мастерством и для этого упорно

работать, подвергая себя самокритическому суду. И самое главное — он должен страстно любить свой предмет и быть искренним и правдивым в своем писании. Для этого «нужно не начинать говорить о том, к чему равнодушен и о чем можешь молчать, а говорить только о том, что страстно любишь».

В дневниковых записях, в письмах Толстого мы сплошь и рядом встречаемся с его жалобами на то, что та или иная вещь, над которой он работает, перестала его удовлетворять и он не может продолжать ее. Острое чувство неудовлетворенности часто сопровождало работу Толстого и над «Войной и миром», и над «Анной Карениной», и над «Воскресением». Нужно было обрести на время утраченное чувство любви к теме, к образам произведения, нужно было до конца ощутить правдивость и искренность своего писания, чтобы с новыми силами и новым творческим подъемом продолжать его.

В течение всей писательской деятельности Толстого в его голове роились замыслы художественных произведений, и к иным из этих замыслов он неоднократно возвращался, но не принимался за них, пока не чувствовал, что его так захватила тема, что не писать уже нельзя, как нельзя, по его словам, жениться до тех пор, пока не почувствуешь, что не можешь не жениться. Многие задуманное Толстым так и не нашло себе воплощения; другое, начатое почти всегда с большой художественной силой, не было завершено потому, что вещь не поглощала его целиком, или потому, что она вытеснялась другой, сильнее его волновавшей. Наконец, иные произведения были совершенно закончены вчерне, многократно переписаны и переработаны и все же, на взгляд Толстого, не достигли той предельной художественной ясности, какая нужна была, чтобы их можно было отдавать в печать. К числу их относился, между прочим, такой толстовский шедевр, как «Хаджи-Мурат».

Трудолюбие Толстого и его взыскательность к себе были поистине безграничны. Он многократно исправлял, переделывал, сокращал и дополнял написанное, добиваясь, чтобы его произведение во всех отношениях стало возможно более доходчивым до читателя, чтобы «выразить словами то, что понимаешь, так, чтобы другие поняли тебя, как ты сам». Черновые редакции и варианты произведений Толстого во многих отношениях представляют собой самостоятельную ценность либо по своему содержанию, либо по их художественной форме. В выходящем ныне девяностопяти томном полном собрании его сочинений это богатство неопубликованного при жизни Толстого рукописного его наследства впервые представлено действительно полно.

Толстой придавал большое значение художественной форме произведения и считал, что каждый большой художник должен создавать и свои формы. Однако он ценил форму лишь тогда, когда в произведении было значительное идейное содержание. «Странное дело забота о совершенстве формы, — записывает он в дневнике 1890 года, — не даром она. Но не даром тогда, когда содержание доброе... Надо заострить художественное произведение, чтобы оно проникло. Заострить — и значит сделать его совершенным художественно». Содержание же подсказывалось Толстому стремлением ответить на самые существенные вопросы, какие выдвигала перед ним жизнь. Вот почему первоначальные замыслы его в процессе их постепенного претворения часто очень расширялись, захватывая новые большие темы и одновременно углубляя, обогащая тему основную тем живым, злободневным содержанием, которое доставлялось современной ему действительностью. Это особенно нужно сказать об «Анне Карениной» и «Воскресении».

Толстой оставил после себя великое наследство. Оно заключается не только в его произведениях, но и во взглядах его на задачи писателя, в его воззрениях на то, что и как должно направлять работу писателя. Слово для Толстого было средством духовного обогащения людей, и он как мог старался пользоваться словом именно для этой цели.

Завершая «Воскресение» в 1889 году, Толстой записал в дневнике: «Усиленно работал и работаю над «Воскресением». Есть много, есть недурное, есть то, во имя чего пишется». И во всем, что писал, над чем трудился Толстой, было свое «во имя», было стремление в совершенной художественной форме показать и уяснить непременно большое по своему моральному и общественному значению явление человеческой жизни, так, чтобы оправдать правило, предписанное им себе еще в молодости: «Предмет сочинения должен быть высокий».

Толстой — национальная гордость русского народа. Он — наш, но вместе с тем он гордость всего человечества, потому что влияние его гения выходит далеко за пределы России. Человечеству Толстой дорог как гениальный писатель, сумевший показать ту великую правду жизни, которая нужна людям и которую они находят в его бессмертных созданиях. Пусть не во всех своих суждениях о том, что нужно человечеству, был прав Толстой; пусть он был сильнее в своей отрицательной критике, чем в положительных утверждениях, — важен самый принцип его писательской деятельности, о котором сказано выше.

Непререкаемое величие Толстого — человека и художника — признано всем культурным миром.

Русскому же народу Толстой особенно дорог потому, что он в своем творчестве поразительно правдиво отразил духовную физиономию русского человека, склад его натуры, основные черты его характера. «Толстой глубоко национален, — писал Горький, — он с изумительной полнотой воплощает в своей душе все особенности сложной русской психики... Толстой — это целый мир».

Толстой не только хорошо знал свой народ, но любил его и высоко ценил его природную даровитость. В свою записную книжку он занес в 1870 году: «Читаю историю Соловьева. Все по истории этой было безобразно в допетровской России: жестокость, грабеж, правед, грубость, глупость, неумение ничего сделать... Читаешь эту историю и невольно приходишь к заключению, что рядом безобразий совершалась история России. Но как же так ряд безобразий произвел великое и единое государство?! Но кроме того, читая о том, как грабили, правили, воевали, разоряли (только об этом и речь в истории), невольно приходишь к вопросу: что грабили и разоряли? А от этого вопроса к другому: кто производил то, что разоряли? Кто и как кормил хлебом весь этот народ? Кто делал парчи, сукна, платья, камки, в которых щеголяли цари и бояре? Кто ловил черно-бурых лисиц и соболей, которыми дарили послов, кто добывал золото и железо, кто выводил лошадей, быков, баранов, кто строил дома, дворцы, церкви, кто перевозил товары? Кто воспитывал и растил этих людей единого корня? Кто блюл святыню религиозную, поэзию народную? Кто делал, что Богдан Хмельницкий передался русским, а не татарам и полякам?..»

Известно, что в последние десятилетия своей жизни Толстой в согласии со своим учением о непротавлении и со своей проповедью всемирного братства людей с осуждением относился к чувству патриотизма. Но стоит прочесть его острую, памфлетную по духу статью «Христианство и патриотизм», написанную в 1894 году, чтобы понять, какой род патриотизма Толстой осуждал. То был патриотизм насквозь бездушный, лицемерный, сугубо казенный, приводивший к захватническим войнам и к порабощению более сильными, экономически более развитыми и лучше вооруженными государствами государств, менее сильных технически и экономически отсталых.

Оправдывая чувство патриотизма в древнем мире, когда отдельным народам приходилось защищать себя от нападения варваров, и, по существу, отступая от своего учения о непротавлении, Толстой в той же статье писал: «Понятно, что при таком положении патриотизм, т. е. желание отстоять от нападения варваров, не только готовых разрушить

общественный порядок, но угрожающих разграблениями и поголовными убийствами, и пленением, и обращением в рабство мужчин, и изнасилованием женщин, был чувством естественным, и понятно, что человек для избавления себя и своих соотечественников от таких бед мог предпочитать свой народ всем другим и испытывать враждебное чувство к окружающим его варварам и убивать их, чтобы защищать свой народ».

Толстой не допускал существования таких варваров «в наше христианское время». Но что сказал бы он, если бы жил в наши дни, когда чудовищный германский фашизм воскресил худшие времена варварства и первобытной дикости? Не приходится сомневаться в том, что великий правдолюбец присоединил бы к нашим голосам свой могучий голос негодования и самого страстного протеста против преступлений, чинимых гитлеровцами, и не нашел бы никаких других путей для спасения мира от невиданного в истории насилия, кроме самого энергичного и самого стойкого противления злу единственно реальной силой — силой оружия.

Когда в русско-японскую войну крепость Порт-Артур была сдана японцам, Толстой записал в своем дневнике 31 декабря 1904 года: «Сдача Порт-Артура огорчила меня, мне больно. Это патриотизм. Я воспитан в нем и не свободен от него так же, как не свободен от эгоизма личного, от эгоизма семейного, даже аристократического, и от патриотизма». В этих словах звучит нота самоосуждения, но они лишний раз говорят о том, как до глубокой старости сильно было в Толстом чувство привязанности к своей родине.

В дни Великой Отечественной войны с лютым врагом мы особенно остро чувствуем, как преступными действиями людских отребьев — гитлеровской банды предается поруганию все то, что связано с памятью одного из самых человечных писателей, созданных мировой культурой. Смерть, разрушение и запустение несет с собой фашистская чума всюду, где мирный созидательный труд стремился обеспечить людям нормальные условия их существования. Гнет и рабство сеет он среди народов, подпавших под его временное, но тягчайшее ярмо. Страшные беды причинил фашизм родине Толстого, бесстыдно и нагло оскорбил память о нем. Гитлеровские громилы, ворвавшись в Ясную Поляну, опоганили, осквернили все, что связано с именем Толстого, все те реликвии великой жизни, которые благоговейно чтит все культурное человечество. И это чудовищное преступление не только перед нашей страной, но и перед всем человечеством нельзя забыть и нельзя простить.

Сейчас великая родина великого художника и человека победоносно изгоняет из своих пределов разбойничьи орды озверелых насильников.

Напряжением всех своих духовных и материальных сил она залечит свои тяжелые раны. В возрожденной жизни нашей страны еще слышнее зазвучат голоса тех ее славных сынов, которые крепили наш дух в мужественной борьбе за наше священное достояние, и среди этих голосов одним из самых могучих будет голос Льва Толстого.

1944 год

---

notes

Примечания

Даты всюду приводятся по старому стилю.

То есть в любом месте, где откроется книга.

Ленин В. И. Соч., т. XII, с. 332–333.

Там же, с. 333.

Ленин В. И. Соч., т. XIV, с. 400.

Ленин В. И. Соч., т. XIV, с. 333.

Ленин В. И. Соч., т. XIV, с. 407.

Ленин В. И. Соч., т. XV, с. 102.

Ленин В. И. Соч., т. XIV, с. 400.